

Опытными руками он начал рисовать на полу ритуальный круг. Затем он положил почти мертвого человека в центр и активировал руны.

И снова магия Сальвазсахара зашипела, прежде чем стабилизироваться, ее нестабильность вместе с его все еще страдающим разумом подтачивала его рассудок и ясность мыслей.

Сальвазсахар покачал головой и сосредоточился.

Он взял один из ножей, которые Николас обычно использовал для ингредиентов зелий, убедился, что он безопасен для использования, а затем разрезал тело другого человека, чтобы добраться до органов.

На мгновение его охватило головокружение, и сознание помутилось.

Нехорошо, ему нужно было сосредоточиться!

Но это было трудно, так трудно без стабильности его собственной магии. Странно, но в тот момент, когда он вспомнил, его магия пошатнулась. Но Сальвазсахар болел по меньшей мере раз в год с девятого дня рождения - явный признак того, что его магия крови постепенно ослабевает.

Если бы он пробудился, как планировал Певерелл, другой человек смог бы провести Сальвазсахара через пробуждение и таким образом стабилизировать состояние Сальвазсахара, пока он не восстановит свою магию крови.

Сейчас же Сальвазсахару оставалось надеяться только на себя - и на пациента, которого он должен был вылечить, иначе он навсегда пожалеет об этом...

Поэтому он сосредоточился на задаче изо всех сил.

Но это было трудно, и через некоторое время медленно, но верно стало невозможно.

Когда Сальвазсахар еще даже не закончил исцеление органов другого человека, его рука едва не соскользнула, когда его сознание вдруг на мгновение унеслось в небытие.

"Ты знаешь, что не сможешь уберечь его таким образом", - снова прошептал голос, пока Сальвазсахар изо всех сил пытался вернуть фокус на задачу, очистить мысли и разум и снова сосредоточиться.

Он не мог.

Туман, который начал вторгаться в его разум, усилился, и он уже не мог даже видеть свою работу, не то что думать о следующем шаге.

"Нет, нет, нет! Нет! Пожалуйста, не сейчас!" - шептал он, без сомнения зная, что должен спасти этого человека, но также зная, что не сможет этого сделать...

"Только одно слово, Сальвазсахар", - сказал голос, и его звучание смешалось с воспоминаниями о других звуках. В глазах Сальвазсахара заплескали цвета. Воспоминания расплывались, прошлое и настоящее медленно, но верно таяли вместе, и Сальвазсахар знал - знал без сомнения, - что если он не возьмет свой разум в руки прямо сейчас, то потеряет себя до безумия.

Все было как тогда, тринадцать лет назад, когда Певерелл спас его, и в то же время совсем не похоже. Если тогда это был сознательный шаг к безумию и всепоглощающему небытию загробной жизни, то в этот раз его не хотели, а боролись. И Сальвазсахар проигрывал эту борьбу.

Но он не мог потерять еще одного человека, которого любил. Он не мог потерять человека, который занял в его жизни место дяди, крестного отца, того, кому доверял и кого любил.

"Пожалуйста, я сделаю все!" - умолял он. "Пожалуйста, только не умирай из-за меня!".

И как кувалда, что-то ворвалось в его душу, привязывая ее к жизни и здравому смыслу.

Это было похоже на даунинг.

Это было похоже на удар ножом.

Жгучая боль заполнила его тело, а разум закричал, когда его залило то же белое пламя, которое Сальвазсахар призвал, чтобы покончить со своей жизнью всего тринадцать лет назад.

Сальвазсахар задохнулся и на мгновение закрыл глаза, когда его зрение наконец прояснилось и пришло в норму.

Затем из его глаз потекли слезы, падая на раны его дяди, медленно и верно исцеляя их, как это могут делать только слезы феникса.

Руки Сальвазсахара тоже заработали с новой силой, пока последняя тяжелая рана не была залечена, и человек перед ним был как новенький.

Только когда Сальвазсахар убедился, что его пациент будет жить, он поднял лицо к потолку и произнес.

"Почему ты вообще спросил?" - сказал он. "Насколько я знаю, я принадлежал тебе с самого рождения. Зачем ты вообще спрашивал о моем обещании, если я уже был у тебя в лапах?"

"Потому что без твоего сегодняшнего ответа ты не принадлежал бы мне с рождения", - ответил голос.

"Значит, ты уже знал мой ответ. Ты уже знал, что сегодня я потеряю свое последнее убежище, свой последний шанс на покой в вечных объятиях смерти..."

"Не волнуйся", - мягко ответил голос. "Ты еще не полностью принадлежишь мне. И ты не вспомнишь о своем обещании, пока не придет время".

И с этими словами ветер погладил волосы Сальвазсахара, и под плач ребенка некогда умирающий человек пробудился к новой жизни.

xXxXXXxXx

Следующее, что Николас мог вспомнить, была агония. Агония, заполняющая все тело, пронзающая его, сковывающая душу и затуманивающая разум.

А потом все исчезло, и его наполнил покой.

Николас снова открыл глаза и увидел своего племянника, сидящего рядом с ним и плачущего.

"Сальватио", - тихо сказал он, и мальчик посмотрел вниз с потолка, его взгляд остановился на дяде, в глазах все еще стояли слезы.

"Ты на мгновение перестал дышать", - взволнованно сказал мальчик. "Я думал, что потерял тебя!"

Николас моргнул, а затем сел. Его тело все еще болело, но всепоглощающая боль исчезла. Осторожно он потрогал грудь и ноги, уверенный, что его раны были сломаны, как и кости в ногах.

Ничего.

Ни открытой грудной клетки, ни сломанных разрывов или костей.

Даже крови нет, за исключением крови, которая все еще марала его формально белую тунику.

"Я... я думал, что не смогу спасти тебя!" - закричал мальчик рядом с ним и бросился в

нетвердые объятия Николаса. "Я боролся! Я боролся! Но это было... слишком много... слишком много крови... и я не помнил! Я не помнил!"

Мальчик вскочил на ноги, вцепившись в тунику Николаса, как в спасательный круг.

"Шшш", - сказал Николас, все еще чувствуя себя немного больным. "Шшш, все в порядке, дитя, все в порядке".

И только тогда он наконец смог осмыслить слова мальчика.

Я думал, что не смогу спасти тебя... Слишком много крови...

"Ты исцелил меня?!" удивленно спросил Николас, глядя на мальчика на своих руках. Он знал, что его раны были смертельными, и даже Катрин со всеми ее знаниями не смогла бы спасти его в этот раз.

"Д... да", - заикаясь, продолжал рыдать мальчик.

"Я должен был... ты умирал, дядя Ник".

"Я знаю, что умирал", - ответил Николас, пытаясь осознать тот факт, что его тринадцатилетний племянник исцелил его.

"Как...?" - наконец спросил он, и мальчик указал на землю вокруг себя. Белым карандашом там были начертаны руны, сотни рун.

Николас вздрогнул.

"Темная магия?!" - спросил он, не уверенный, стоит ли ему сердиться на племянника. "Ты использовал Темную магию, чтобы спасти меня?!"

Мальчик, голова которого все еще покоилась на груди Николаса, яростно затряс ею.

"Нет!" - кричал он. "Нет!"

"Но это был ритуал", - заявил Николас, начиная чувствовать себя все лучше и лучше, как будто каждая слеза, упавшая на него, снимала боль.

"Да", - прошептал мальчик.

"Ритуал, чтобы вернуть смерть?" осторожно, но боязливо спросил Николас.

"Нет", - мальчик снова покачал головой. "Ритуал для исцеления. Но это не сильно помогло. Ты все равно умирал".

На глаза Николаса навернулись новые слезы.

Ритуал исцеления... Николас никогда раньше не слышал о чем-то подобном. Откуда мальчик узнал об этом?!

"Я все еще умирал?" - наконец спросил он. Голова, по-прежнему зарытая в его груди, кивнула. Николас решил оставить этот ритуал до тех пор, пока мальчик не станет менее расстроенным.

"Так как же ты спас меня?" - спросил он вместо этого.

На него смотрело заплаканное лицо, опухшие и красные глаза.

"Я... я не знаю... я плакал. Я плакал, а ты исцелил", - ответил мальчик. "А теперь я не могу перестать плакать".

Николас моргнул при этих словах, но вытер слезы, все еще катившиеся по щекам мальчика. Он хотел спросить, как слезы должны были исцелить его, но в этот момент сам нашел ответ. Слезы мальчика впитались в его кожу, и там, где они были, появилось слабое свечение. Николас почувствовал, что его пальцы стали более ловкими, более здоровыми.

Он посмотрел на мальчика, прижавшегося к нему, и снова на свои пальцы. Внезапное подозрение заполнило его разум.

Он снова вытер слезы мальчика, на этот раз держа его руку так, чтобы тусклый свет костра мог осветить их.

Они сияли всеми цветами радуги, мерцали, как маленькие звездочки.

Николас был мастером зелий, он знал это мерцание.

Слезы феникса.

И тут он вспомнил ответ незнакомца на его вопрос, заданный в далеком детстве.

"Чистокровное дитя?" спросил Николас, и незнакомец на мгновение замешкался, прежде чем ответить: "Да".

Ребенок со слезами феникса.

И вдруг Николас стал искать ответы, которые не мог получить от ребенка.

xXxXxXxXx

"Я не думаю, что с Сальватио что-то случилось за время каникул", - сказала Катрин в тот момент. "Да, он был немного другим в последнюю часть лета, возможно, более замкнутым и осторожным, но я не помню случая, который мог бы его изменить. Я просто думала, что он растет...".

"Что-то изменилось в вашем сыне за лето", - ответил на это профессор-вампир. "Что бы ни случилось, он уже не тот, что прежде".

"Что вы имеете в виду, профессор?" спросил Николас, и профессор заколебался.

"Он... относится ко мне по-другому", - наконец решился профессор.

"Вы имеете в виду, что Сальватио внезапно проявляет к вам предвзятое отношение?" спросил Анри Малфуар, нахмурившись, но профессор-вампир покачал головой.

"Нет... никаких предрассудков... просто... другой", - казалось, ему было не по себе от своего ответа. Николас был уверен, что вампир мог бы рассказать о нем подробнее, но по какой-то причине не захотел.

"Я просто беспокоился, что могло произойти что-то, что могло повлиять на него", - наконец решился вампир. "Если действительно не было никаких событий, тогда я думаю, что он действительно просто растет, и он очень скоро вырастет из своего нынешнего поведения..."

"Если он делает что-то не так, мы можем поговорить с..." начала говорить Катрин, но вампир прервал ее с мягкой улыбкой.

"В этом нет необходимости, на данный момент, я думаю", - сказал он. "Дай ему немного времени, чтобы повзрослеть. Я обещаю, что поговорю с вами, если изменения станут невыносимыми. Я просто пришел убедиться, что больше ничего не случилось..."

В конце концов, вампир снова ушел, оставив неловкого Николаса наедине с тремя другими, озадаченными людьми. И на мгновение, всего лишь на мгновение, Николас действительно подумал о том, чтобы рассказать остальным о том, что произошло. Затем он вспомнил о своем обещании самому себе, что не скажет ни слова, пока не узнает всю историю - а эту историю ему еще предстоит разгадать.

xXxXXxXxxx

Тем временем вампир шел прочь от поместья с блеском в глазах.

"Полагаю, что сегодня вечером нужно еще кого-то навестить", - пробормотал Анастасиус Сангини. "И я надеюсь, ради Певерелла, что у него есть очень хорошее объяснение тому, что он прятал моего собственного отца от его семьи почти тринадцать лет..."

xXxXxXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

<http://tl.rulate.ru/book/93005/3093490>